

МАНБАШУНОСЛИК ВА МАТНШУНОСЛИК // ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ТЕКСТОЛОГИЯ // SOURCE STUDY AND TEXTOLOGY

САДЫКОВ КАСИМЖОН

Доктор филологических наук, профессор, ТашГИВ

Уйгурописьменный список «Кутадгу билиг»: источниковедческие и текстологические контуры

Аннотация. Книга «Благодатное знание» известна тремя уникальными списками. Один из них написан так называемым уйгурским письмом, другие два – арабским. Уйгурописьменная рукопись переписана в 1439 году в Герате. Данный список памятника, хотя и является редким и великолепным экземпляром, однако из-за сложности чтения уйгурописьменного текста не был объектом тщательного исследования. Между тем в текстологическом и языковом аспектах этот памятник отмечен ярким своеобразием и неповторимыми чертами. В отличие от других рукописей уйгурописьменный список, хотя переписан был только в XV веке, имеет более древнюю основу. В нем много отличительных особенностей. В данной статье разговор идет об этой рукописи памятника.

Опорные слова и выражения: раннесредневековый тюркский письменно-литературный язык, история письменной культуры, уйгурская письменность, рукопись, уйгурописьменный список памятника, источниковедение, текстология, структура текста, сопоставительный анализ текстов, месневи, подстрочные пояснения.

Аннотация. Фанда “Кутадгу билиг”нинг уч йирик қўлёзмаси маълум. Уларнинг бири қадимги туркий-уйгур, иккиси араб хатида. Уйгур ёзуви нусхаси 1439 йили Ҳиротда кўчирилган. Ушбу қўлёзма мутахассисларнинг озлиги учунми ёки матннинг мураккаблигиданми, олимлар эътиборидан айтарли четда қолиб келмоқда. Бу нусханинг ўзига яраша ютуқлари оз эмас. Кузатувларга кўра, уйгур ёзуви қўлёзма бошқаларига қараганда эскироқ нусхадан кўчирилган. Унинг бошқа нусхалардан фарқи ерлари кўп. Мақолада ана шу қўлёзма хусусида фикр юритилади.

Таянч сўз ва иборалар: илк ўрта асрлар туркий ёзма адабий тили, ёзув маданияти тарихи, уйгур хати, қўлёзма, ёдгорликнинг уйгур ёзуви нусхаси, манба-шунослик, матншунослик, матн тузилиши, матннинг қиёсий тадқиқи, маснавий, сатр ости изоҳлари.

Abstract. There are three manuscripts of “Kutadku bilig”. One of them was written in Uighur script and others in Arabic one. Uighur copy of manuscript was copied in 1439 in Herat. This copy of the work wasn't so much analyzed because of its script. But there are many achievements of this copy. By supposition this text was copied from old one. It can give us much information about this work.

Keywords and expressions: *early middle ages literary Turkic language, history of writing culture, Uighur script, manuscript, copy in Uighur script, source study, textology, structure of the text, comparative analyze of the texts, mesnevi, under text commentaries.*

Книга великого поэта и мыслителя Юсуфа хас-хаджиба Баласагуни (*Balasaḡun mavludlıḡ Yusuf, Yusuf has hajib, Yusuf uluḡ hajib, Yusuf ėilbaşı*) «Кутадгу билиг» (QBN: قوتادغۇ بىلىك *Qutadḡu bilig* (11a.13) // قوتادغۇ بىلىك *Qutadḡu bilig* (19b.7) – «Благодатное знание» или «Книга, дарующая счастье») известна тремя уникальными вариантами¹. Один из них написан так называемым уйгурским письмом, другие два – арабским. Арабописьменные рукописи (наманганский и каирский списки памятника), по всей вероятности, переписаны в XIII–XIV столетиях, а уйгурописьменная – в 1439 году в Герате Хасаном Кара Сайыл Шамсом бахши (далее – QBH²). В настоящее время данная рукопись хранится в Венской Национальной библиотеке под номером A. F.13, наманганская (далее – QBN) – в Центре восточных рукописей при Ташкентском государственном институте востоковедения под номером 1809, а третья рукопись хранится в Каире (далее – QBQ).

Что касается гератского списка памятника, то следует сказать, что он, хотя и является редким и великолепным экземпляром, однако из-за сложности чтения уйгурописьменного текста не был объектом тщательного исследования. Между тем в текстологическом и языковом аспектах этот памятник отмечен ярким своеобразием и неповторимыми чертами. В отличие от других арабописьменных памятников, уйгурописьменный список, хотя переписан был только в XV веке, имеет более древнюю основу. В нем много отличительных особенностей, которые не являются недостатками текста или ошибками переписчика. Они, как показывают наблюдения, имеют важные текстологические аргументы. Уместно подчеркнуть, что переписчик этой рукописи хорошо знал язык караханидской эпохи и подходил к тексту очень разумно. Тщательное изучение данного списка даёт возможность решить важные проблемы,

¹ Содиков К. Туркий матнавислик тарихидан. Қадимги ёзма ёдгорликлар. – Т., 2000. 149–191-б.

² QB (QBH, QBN, QBQ) – рукописи произведения Юсуфа хас-хаджиба «Кутадгу билиг»: H – гератский (венский) уйгурописьменный список: Радлов, 1890; *Yusuf Has Hacib. Kutadgu Bilig. Herat (Viyanavusturya) Nüshası. Tıpkıbasım. Hazırlayan E. Üşenmez. Ankara, 2014*; N – наманганский (ферганский) арабописьменный список: Центр восточных рукописей при Ташкентском государственном институте востоковедения, рукопись под номером 1809; *Kutadgu Bilig (Nemengan/Fergana/Özbekistan Nüshası). Tıpkıbasım. Hazırlayan E. Üşenmez. Ankara, 2013*.

Q – каирский список, хранящийся в Египетской национальной библиотеке (рукопись под номером 168); *Yusuf Has Hacib. Kutadgu Bilig (Kahire Nüshası). Ankara, 1993*.

касающиеся текста памятника и пути восстановления первичного авторского варианта.

Краткое описание гератского манускрипта.

Уйгурописьменная гератская рукопись состоит из 190 страниц¹. Книга оформлена аскетично. Только лишь на титульном листе красивым каллиграфическим почерком написано название «*Qutadğu bilig*», сопровождаемое восточным орнаментом.

По утверждению В. Радлова, рукопись написана на толстой, вощенной бумаге и состоит из одиннадцати тетрадей, каждая из которых включает десять листов. Первые четыре тетради не пронумерованы, начиная с пятой, тетради нумеруются: *beş* (стр. 79), *yeti* (стр. 99), *sekiz* (стр. 119), *on* (стр. 159), *on bir* (стр. 179). Шестая тетрадь утрачена (стр. 99–118), девятая же оказалась без обозначения. Все листы рукописи снабжены погинацией: в конце каждого листа после основного текста наискосок записано первое слово следующей страницы.

Каждый бейт занимает один ряд. В количестве рядов на страницах нет последовательности: большинство страниц состоят из 33–36 рядов. Однако имеют место и страницы, включающие 20, и даже 48 рядов. Сразу можно определить, что переписчик уйгурописьменного текста (*baxşı*) работал в спешке. К тому же, есть некоторые исправления в тексте.

Рукопись переписана двумя переписчиками: основной текст, со 2 по 189 страницы рукописи относится перу Хасана Кара Сайыла Шамса бахши; небольшой текст на первой странице, а также четверостишия и некоторые пояснения в конце книги (страницы: 1, а также со 189 по 190), написаны Абдурраззаком бахши в Стамбуле².

На первой странице рукописи дан способ приготовления супа из меда (*bal çobrasiniñ 'ilmi*). По почерку этот небольшой текст принадлежит перу Абдурраззака бахши. По языковым особенностям текст написан на огузском наречии. Так, например, *çobra* – означает по-турецки «суп». Месневи «Кутадгу билиг» занимает в рукописи со 2 по 185 страницы. Затем дается колофон, где указана дата написания этой рукописи.

На 186–189 страницах расположена касида из 38 бейтов, автором и переписчиком которой является Хасан Кара Сайыл Шамс. После касиды (на стр. 189) приводится хвала всевышнему *امين يارب العالمين*, характерная для текстов мусульманской эпохи и обрамленная уйгурописьменным четверостишием, имеющим ступенчатый вид:

Xudāyā gar yazuq qıldım bayışla,
Bā haqqı Mustafā hu 'Alī baydi.

¹ Радлов В. В. Кутадку-Билик. Факсимиле уйгурской рукописи. – СПб., 1890.

² Содиқов Қ. Уйғур ёзуви тарихи (Манбашунослик ва китобат тарихи масалалари). – Т., 1997. 56–59-б.

Yazuqsız xūd kişi yoqtur jihānda,
Yaman qıldı oşul-kim imānni sattı.

После четверостишия приводится еще один колофон, обрамленный с двух сторон арабописьменным персидским четверостишием суфийского содержания:

Jānist vujudam ki jahānašt badanast,
Šam'ist rūḥam ki āftābaš laganast.
Man banda-i xāṣṣu maẓhari luṭfi 'aqam,
Qiṣṣa či kunam man oyam, u jumla manast.

«Мое существо – душа, вместилище его – тело,
Мой дух – свеча, его светило – вселенная.
Я раб божий, я – его милость,
Зачем повторять, что я – это он, (а) он – воплощение меня».

Этим четверостишием Хасан Кара Сайыл Шамс завершает свой текст. Затем почерк текста меняется. Продолжение же текста относится перу Абдурраззака бахши.

Хасан Кара Сайыл Шамс завершил свою работу в 843 году хиджри, в год овцы, четвертый день месяца мухаррам, что соответствует 18 июня 1439 года нашего летосчисления, в городе Герате. Об этом свидетельствует колофон после завершения месневи на 185 странице: *Tügāndi Qutaḍu kitābi tarix sekiz qırq üç yılda, qoy yıl, muharram ayniñ törti Haruda* («Книга, дарующая счастье» написана четвертого числа месяца мухаррам восемьсот сорок третьего года, года овцы, в Герате»). Эта же дата повторяется в колофоне на странице 189, после 38-ми бейтной касиды, автором которой является переписчик рукописи: *Tarix sekiz yüz qırq üçtā, qoy yıl axiri, muharram ayniñ tört yanısı Haru šahrında bitildi* («(Книга) написана четвертого числа месяца мухаррам восемьсот сорок третьего года, в конце года овцы, в городе Герате»).

На 189 странице после персидского четверостишия уйгурским письмом сообщено о том, что книга вывезена из Герата в Токат, оттуда же в 879 году (то есть в 1474 году нашего летосчисления) отправлена в Стамбул для Абдурраззака бахши: *Tarixqa sekiz yüz yetmiş toquzda, yılan yıl bu Qutaḍu bilig kitapni Abdu(r)razzāq Šayxzāda baxši üçün İstambulda Toqattin Fanarī oğlı Qāzī 'Alī bitig yibarip keltürdilär. Mubārak bolsun, davlat kelsün, mehnat ketsün* («В восемьсот семьдесят девятом году, в год змеи, Фанари оглы Кази-Али из Константинополя обратился с письмом, в котором он просил прислать ему из Токата книгу «Кутадгу билиг» для писца Абдурраззака. Да будет счастливым, да будет изобилие, и да покинут муки»).

На 190 странице рукописи, написанной уйгурским письмом, приведены пять четверостиший Абдурраззака бахши. После них арабскими буквами написан следующий бейт:

'Abdurrāzāq sözlärin aydī seṇä,
Bar esä ṭa'naṇ, javābīn ber meṇä.

«Абдурраззак свое слово сказал тебе,
Если ты не согласен, ответь мне».

После этого сообщается о продаже книги кузнецом Хамзой около соборной мечети муллы Хайреддина: *Na'lbant Hamzadīn satun alduq Mulla Hayradīnniṇ jum'a masjidiniṇ yanīda. Aṣṇa Hoja Xājī dallāl* («(Книгу) купили у кузнеца Хамзы возле соборной мечети муллы Хайреддина в присутствии посредника Ходжа Хаджы»). Текст завершается тамгой основанной на уйгурской письменности, а внизу арабскими буквами написано *baxši belgüsi* («знак, т.е. печать переписчика»).

Таким образом, сообщения об отправке рукописи в Стамбул по просьбе каллиграфа Абдурраззак, четверостишия, информация о продаже книги возле соборной мечети, расположенные в конце книги, а также описание способа приготовления супа из меда, приведенное на первой странице, включены Абдурраззаком бахши в рукопись не в Герате, а позднее, в 80-годах XV века в Стамбуле.

Структура текста и сопоставительный анализ списков памятника.

В текстологическом плане три списка «Кутадгу билиг» различаются между собой.

Так, арабописьменный QBN начинается кратким прозаическим предисловием. Затем дано оглавление, после чего с басмалы начинается собственно сама книга.

Уйгурописьменный список QBN также начинается прозаическим предисловием. После чего следует поэтическое предисловие из 76 бейтов, которое отсутствовало в QBN. В нем повторяются те же самые данные, что и в прозаическом тексте, но теперь в поэтической форме. После второго предисловия с заглавием *Fihrist-i abvab* (т.е. «Оглавление») приведено содержание всей книги. После фихриста с басмалой речь переходит к самой книге¹.

По своей форме текст QBQ очень близок уйгурописьменному списку.

Одиннадцать начальных глав являются введением в книгу. Вначале хвала господе, затем главы о достоинствах пророка; достоинствах четырех сподвижников пророка; благосветлой весне и хвала властителю Табгач-Богра-кара-хану; семи планетах и двенадцати знаках Зодиака; а также: повествование о том, что достоинство сынов человеческих в знаниях и разумении; достоинствах и пользе языка; прощении слагающего сию книгу; достохвальных свойствах и пользе добрых дел; отличиях и пользе учения и знания; наречении сей книги и старости поэта. Начиная с двенадцатой главы автор приступает к основному содержанию книги.

¹ Содилов К. «Кутадгу билиг»нинг уйгур ёзуви Хирот нусхаси. – Т., 2010. 29–70-б.

Заключительная часть арабописьменного QBQ включает еще три главы. Это главы о сожалениях по поводу прошедшей молодости и старости поэта; порочности времен и жестокости друзей; наставления сочинителя сей книги – Юсуфа хас-хаджиба самому себе. А в списке QBN эти главы отсутствуют, но в оглавлении книги (*fihrist-i abvab*) две из них (*Fanî dunyakâ arilip, tiriglig yawa bolmişi; Zamana biwasini, dostlar jafasin ayur*) все же указаны и даны как заключительные.

В уйгурописьменном списке QBN нет двух заключительных глав. Это главы о сожалениях по поводу прошедшей молодости и порочности времен и жестокости друзей. В нем в качестве заключительной главы даются наставления сочинителя сей книги, Юсуфа хас-хаджиба, самому себе. В оглавлении книги (*fihrist-i abvab*) все три главы названы заключительными (70–72 главы). Они даны в следующем виде: *Tiriglig yawa qilmishin okünmäkligin ayur* («Говорит о жестокостях жизни»); *Yusup çilbaşi yigitlikkä okünüp awuçqalıyın ayur* («Камергер Юсуф повествует о своих сожалениях по поводу ушедшей молодости и наступившей старости»); *Ödläk artaqi, dost-qadaş jafasin ayur* («Говорит о порочности времен и жестокости друзей»).

Списки различаются и оглавлением. Например, в оглавление рукописи QBN включено 67 глав. В нем отсутствуют названия начальных традиционных глав – восхваление богу; глава о достоинствах пророка; достоинствах четырех сподвижников пророка; достоинствах хана Ордукана Табгач-Богра-кара-хана. Пятая глава посвящена семи планетам и двенадцати знакам Зодиака и названа «Началом книги» (*Kitap başi*).

А в фихристе уйгурописьменного QBN указаны названия 73 глав книги. Характерно то, что в данном списке, в отличие от предыдущей рукописи, названия всех начальных четырех глав включены в оглавление. Еще один важный момент: в этом списке все главы в оглавлении пронумерованы: *avval bab* («начальная глава»), *ikinç bab* («вторая глава»), *üçünç bab* («третья глава»), *törtünç bab* («четвертая глава») и т.д. Последняя *yetmiş ikinç bab* («семьдесят вторая глава»), а завершающая глава называется *son bab* («завершающая глава»).

В фихристе QBQ указаны названия 72 глав книги. В нем, как и в уйгурописьменном списке памятника, названия начальных традиционных глав включены в общий список оглавления. Как известно, в средневековом книговедении мусульманского периода начальные, традиционные и завершающие главы (в частности глава о прощении сочинителя сей книги) являлись обязательными. Тем не менее, отсутствие упоминания этих глав в содержании книги не являлось серьезным упущением.

Еще один важный нюанс, касающийся текста источника: в арабописьменном списке QBN заглавия начальных традиционных глав давались по-арабски. В уйгурописьменном списке QBN заглавия данных глав приводятся по-тюркски, причем это касается как оглавления книги, так и самого текста. Так, например, заглавия в самом произведении таковы: *Tegri*

'azza va jalla ögdüsin ayur («Восхваляет бога могучего и великого»); Yalawaç 'alayhis-salam ögdüsin ayur («Восхваляет пророка, да будет он благословен»); Tört sahabanïñ fazilatın ayur («Говорит о достоинствах четырех сподвижников пророка (да пошлет им господь благословение»); Yaruq yaz faslın, uluğ Buğrahan ögdüsin ayur («Говорит о благосветлой весне и восхваляет великого Богра-хана»).

В списке QBQ названия начальных трех глав именуются по-арабски, а остальные, начиная с четвертой главы, о достоинствах Богра-хана – по-тюркски.

Таким образом, можно предположить, что в начальном авторском варианте произведения все заглавия даны по-тюркски. В дальнейшем, названия начальных традиционных глав, согласно традициям мусульманского книжного дела, переведены на арабский язык, что мы наблюдаем в наманганском и каирском списках произведения, что является еще одним важным аргументом в пользу того, что уйгурописьменный список QBN переписан из более древнего варианта, нежели два других.

Указанные главы в фихристах трех списков полностью не совпадают. Это касается и названий внутренних глав того или иного списка. По этой причине существующие фихристы не дают досконального представления о структуре текста произведений. Для этого необходим сопоставительный анализ не только оглавлений, но и непосредственно самих глав рукописей.

Ни один из известных списков памятника не является полным. Много в них текстологических различий. Так, например, некоторые главы в одном списке отсутствуют в другом, или же некоторые из них объединены в одну. В некоторых случаях списки различаются и тем, что не совпадает количество бейтов в главах. Вместе с тем некоторые бейты того или иного списка отсутствуют в другом и т. д. Наиболее полным из списков является QBN, он состоит из 6106 бейтов. Но, к сожалению, в нем отсутствуют последние главы произведения.

Объем уйгурописьменного списка уступает QBN. Вместе со стихотворным введением он включает 5772 бейта. Важно то, что в нем сохранились начало книги и конечные главы.

Важным на сегодняшний день является сопоставительное изучение рукописных списков «Кутадгу билиг». В этом аспекте роль гератского уйгурописьменного списка не менее важна, чем роль других вариантов, поскольку в тексте много примечательных особенностей. Тщательный сравнительный анализ списков позволит восстановить авторский вариант памятника.

Памятник «Кутадгу билиг» начинается следующим бейтом:

Bayat atı birlä sözüg başladım,
Törütkün, igidgän, keçürgän idim (QBN.10.)

Этот бейт является тюркским толкованием арабской басмалы. Его содержание таково:

«Именем бога я начал свое слово,
Создавший, вырастивший, прощающий мой бог».

В уйгурописьменном гератском списке первая и пятая главы, а также три письменных послания персонажей книги начинаются с этого бейта. Следует отметить, что он отсутствует в первой главе наманганского списка, однако в пятой главе, а также в трех письменных посланиях указанное правило соблюдено. Можно полагать, что в авторском варианте книга начинается с тюркской басмалы, о чем свидетельствуют факты уйгурописьменного списка.

Еще несколько примеров текстологического характера.

В девятой главе о достохвальных свойствах и пользе добрых дел «Кутадгу билиг» есть пословица, которая в наманганском списке гласит:

Uquş körki söz-ol, bu til körki – söz.
Kişi körki yüz-ol, bu yüz körki – köz (QBN.17a.6).

«Красно учение словом, речь красна словом.
Красны люди ликом, а лики красны очами».

Можно заметить смысловую ошибку, допущенную в первой части высказывания. В нем утверждается, что слово является красотой и учения, и речи: *Uquş körki söz-ol, bu til körki – söz*. В уйгурописьменном гератском списке данный бейт звучит логически правильно.

Uquş körki til-ol, bu til körki – söz,
Kişi körkü yüz-ol, bu yüz körkü – köz (QBH.19.23).

«Красно учение речами, а речь красна словами,
Красны люди ликом, а лики красны очами».

Как видно из приведенного примера, переписчик наманганской рукописи допустил здесь ошибку: вместо слова *til* (*т.е.* «речь») в первом предложении употреблено слово *söz* («слово»), в результате чего имеет место повтор одного и того же слова. В гератском списке этот бейт переписан с оригинала правильно.

Еще один пример. В одиннадцатой главе «Кутадгу билиг» есть факты, касающиеся возраста автора книги Юсуфа хас-хаджиба. Эти данные в наманганском списке даются в следующем виде:

Tegürdi meñä elgi elik yaşım,
Quyu qıldı quzğun tüsi-teg başım.
Oqır elik emdi meñär kel teyü,
Pusuq bolmasa, bardım emdi naru (QBN.20a.8–9).

«Подали мне руку мои пятьдесят лет,
(Он) черную голову, подобно ворону, превратил он в лебедя [*т.е.*: черные волосы стали белыми].

Теперь пятьдесят [лет] кличут, говоря мне: Иди!
Теперь пойду дальше, если (по пути) не будет западни [*т.е.*: внезапной смерти]».

В этих строках поэт утверждает, что в момент написания своей книги ему исполнилось пятьдесят лет, и он разменял шестой десяток. Но сомнительно в тексте то, что первая строка гласит: «Подали мне руку мои пятьдесят лет», и в следующем бейте повторяется то же самое: «Теперь пятьдесят [лет] кличут, говоря мне: Иди!». Как видно, и здесь переписчик допустил ошибку: вместо числительного *altmīš* (*т.е.* «шестьдесят») ошибочно написал *elik* («пятьдесят»).

В уйгурописьменном гератском списке содержание приведенных бейтов логически верно: «Подали мне руку мои пятьдесят лет, ... Теперь кличут шестьдесят...». Чтение этих бейтов таково:

Tegürdi menä elgi elik yašim,
Quyu qıldi quzyun buši-teg bašim.
Oqir emdi altmīš menä kel teyü,
Pusuı ğıqmasa yolda, bardım sayu (QBH.22.22–23).

«Подали мне руку мои пятьдесят лет [*т.е.*: мне исполнилось пятьдесят лет],

(Он) черную голову, подобно ворону, превратил в лебедя [*т.е.*: черные волосы стали белыми].

Теперь кличут шестьдесят, говоря мне: Иди!
Пойду к нему, если по пути не будет западни [*т.е.*: внезапной смерти]».

Один из бейтов в десятой главе в наманганском списке выглядит таким образом:

Bolur ötrü işlär bütün ham pışıy,
Biliglig kişilär pışıy yer aşıy (QBN.19a.1).

«Затем все дела будут завершены и крепки,
Разумные люди едят (только) вареную пищу [*т.е.*: Разумные люди невареную пищу не едят]», сравните в этом плане уйгурописьменный гератский список:

Bolur ötrü işlär bütün ham başıy,
Biliglig kişilär başığ bil asıy (QBH.21.18).

«Затем все дела будут завершены и разумны,
Главенство умных людей (над обществом) считай полезным».

При установлении авторского варианта перед исследователем встает проблема выбора одного из имеющихся вариантов. Возможно, в авторском варианте эти строки звучали бы так: *Biliglig kişilär başıy bil asıy* («Главенства

умных людей (над обществом) считай полезным»), а не: *Biliglig kişilər pişiy yer aşiy* («Разумные люди едят (только) вареную пищу»).

Еще пример: оглавление наманганского списка «Кутадгу билиг» начинается заглавием «*Yeti kavakib on iki buruj*» (QBN.2b.5). Так названа глава «О семи планетах и двенадцати знаках Зодиака». Она является первой после начальных традиционных глав книги.

В оглавлениях каирского списка это заглавие дано в виде: «*Yeti kavakib, on iki yulduznī ayur*» («Говорит о семи планетах и двенадцати звездах») (QBQ.8.6). В фихристе глав гератского уйгурописьменного списка это заглавие звучит так: «*Yeti yulduz, tört yayız, on iki ökäknij ögdükini ayur*» (QBH.8.9). Привлекает к себе внимание словосочетание *tört yayız* в данном названии.

Первое значение слова *yayız* – «цвет; цветовая гамма», т.е. «бурый, темный»¹. В художественных текстах это слово используется в качестве эпитета. В частности, в «Кутадгу билиг» оно употребляется по отношению к цвету земли, грунта: *yayız yer* – «бурая земля» (QBH.12.14). Отсюда происходит его другое значение: *yayız* – «земля, грунт»². Однако в названии главы в уйгурописьменном списке «Кутадгу билиг» оно употреблено в составе словосочетания *tört yayız*. Разумеется, нельзя толковать значение этого словосочетания как «четыре земли». Скорее всего, *yayız* в этом сочетании надо понимать как «элемент, материя»: *tört yayız* – это «четыре элемента», т.е. «огонь» (*ot*), «вода» (*suw*), «ветер» (*yel*), «земля» (*tupraq*). Такая трактовка соответствует содержанию текста, поскольку в этой главе речь идет о семи планетах и двенадцати звездах, а также четырех элементах. Исходя из этого название главы в уйгурописьменном варианте памятника можно перевести как «Говорит о восхвалении семи планет, четырех элементов и двенадцати знаков Зодиака». Можно предположить, что значение «элемент, материя» слова *yayız* – первично, а другие же его значения, скорее всего, вторичны.

В оглавлении наманганского списка название шестой главы звучит как: «*Yanluq ayirliqin ayur*» («Говорит о достоинствах человека» – QBN.2b.6), а в самом тексте произведения – «*Yanluq ayirliqin tanurlayur bilig birlä*» («Достоинство человека определяется знанием») (QBN.12b.6).

В оглавлении же каирского списка название этой главы дано следующим образом: «*Adam oğli ayirliqi bilig birlä erdükin (ayur)*» («Повествует о том, что достоинство сына человеческого в знаниях») (QBQ.8.7). Что касается гератского списка, данное заглавие выглядит так: «*Yanluq oyli-qizi ayirliqi uquş, bilig erdükin ayur*» («Повествует о том, что достоинство сынов-дочерей человеческих – в разумении и знаниях» – QBH.8.8), а в тексте как: «*Yalinyuq*

¹ Древнетюркский словарь. – Ленинград, 1969. – С. 225.

² Древнетюркский словарь. – Ленинград, 1969. – С. 225.

oylani 'azizliqi bilig, uquş birlä erdükin ayur» («Повествует о том, что достоинство сынов человеческих – в знании и разумении») (QBH.16.17). Текстологические различия заключаются в том, что вместо слова *yañluq* («человек»), использованное в наманганской рукописи, в каирском списке приведено словосочетание *Adam oyli* («сын Адама» = «сын человека»), а в гератском списке – *yañluq oyli-qizi* («дети (досл.: сын и дочь) человека»), *yalınyuq oylanı* («сыновья человека»), ср.: в древнетюркских текстах, например, в памятнике в честь Куль-тигина: *kişi oyli* («сын человека»).

Приведем еще пример, касающийся названий глав. В оглавлениях каирского списка название десятой главы дано в виде: «*Bilig, uquş, 'ilm erdämini ayur*» («Говорит о достоинствах знания, учения и науки») (QBQ.8.11), а в гератском списке: «*Yañluq ayırlıyı bilig, uquş bilä erdükin sözlär*» («Говорит о том, что достоинство человека в знаниях и учениях») (QBH.8.13). Но в самом тексте произведения данное заглавие интерпретируется как: «*Yal(n)guq arıylıyı bilig, uquş birlä erdükin ayur*» (QBH.20.5), то есть вместо *ayırlıyı* («его достоинство») здесь приведено слово *arıylıyı*. Как известно, древнетюркское *arıylıy* – означает «чистота; опрятность», но в данном случае оно употреблено в переносном значении, а именно: «благородство, порядочность»¹. Это позволяет перевести данное заглавие так: «Повествует о том, что благородство человека в его знаниях и учении».

Приведем еще несколько примеров. В главе, посвященной свойствам речи, в наманганском списке:

Öküş sözläsä, yañşadı ter tilig,
Yana sözlämasä, ağın ter tilig (QBN.13b.7).

«Если много болтает, говорят, «попусту язык болтает» [*т.е.* назовут его речь пустой],

А если замолчит, говорят, что «(он) глухонемой».

В уйгурописьменном гератском списке этот бейт имеет следующий вид:

Öküş sözläsä, ıgsıdı ter bilig,
Yana sözlämäsä, ağın ter tilig (QBH.17.14).

Вместо *yañşadı ter tilig* («говорят: попусту язык болтает»), в этом манускрипте выступает *ıgsıdı ter bilig* («говорят: болезнь захватила его разум/заболел его разум»). Глагол *ıgsı* (от слова *ıg* – «болезнь») в этом предложении – досл. «заболеть», относительно разума человека – «болезнь захватила»; *bilig* – «разум, ум». Данный бейт можно трактовать следующим образом:

«Если много болтает, говорят что «болезнь захватила его разум / его разум заболел»,

¹ Древнетюркский словарь. – Ленинград, 1969. – С. 52.

А если совсем он молчит, говорят, что «(он) глухонемой».

Еще пример из наманганского списка:

Til asyī telim bar, basīnma öküš,
Ara ögdilür til, ara miñ söküš (QBN.13b.10).

«Пользы от языка много, (поэтому) излишне не напрягайся,
Иногда хвалят его, иногда (из-за него человеку придется слушать) тысячу ругательств».

В гератском списке:

Til asyī telim bar, yasī ma öküš,
Ara ögdilür til, ara miñ söküš (QBH.17.18).

Вместо *basīnma öküš* («излишне не напрягайся») в вышеуказанном списке высупает как *yasī ma öküš* («и убытка (от него) немало»). Слово *yas* в этом варианте означает – «убыток», что соответствует стилю и содержанию этого высказывания. Поэтому можно трактовать его следующим образом:

«Пользы от языка много, и убытка немало,
Иногда хвалят его, иногда (за него человеку придется слушать) тысяча ругательств».

Ср. в поэтическом переводе С. Иванова этот бейт гласит:

Язык и убыток, и пользу приносит,
За это и хвалят его, и поносят (БЗ, 79).

В наманганском списке в главе о достохвальных свойствах и пользе добрых дел есть такой бейт:

Kiši körki söz-ol, bu söz-ök telim,
Yurī, edgü sözlüg kişig ög tilim (QBN.17a.4).

«Красота человека в (его) слове [*т.е.* в речи], а слов очень много [*т.е.* человек красив речью, смотря, как он подбирает слово],
О мой язык, хвали добрых людей».

Данный бейт в гератском списке гласит:

Kiši körkü söz-ol, söz asyī telim,
Yurī, edgü sözlüg kişi ög tilim (QBH.19.21).

«Красота человека в (его) слове [*т.е.* в речи], пользы от слова очень много,

О мой язык, хвали добрых людей».

Ср. в поэтическом переводе С. Иванова этот бейт гласит:

Людей красит слово, есть много наречий,
И славлю я речью язык человеческий (БЗ, 86).

Думается, что сравнение списков дает возможность обнаружить много текстологических различий, убедиться в том, что уже при жизни автора было несколько вариантов «Кутадгу билиг», переработанных и дополненных самим автором. Дошедшие до нас списки переписаны не из одного, а из разных вариантов памятника.

Графические особенности уйгурописьменного текста.

Гератская рукопись «Кутадгу билиг» написана уйгурским курсивным письмом, характерным для среднеазиатских текстов (В. Радлов данный стиль письма назвал *Der mohammedanisch-uirische Schrift charakter*¹). Этот стиль письма имел широкое применение в XIV–XV вв. Ряд признаков отличает его от классического книжного почерка буддийских и манихейских памятников. Уйгурское курсивное письмо можно определить как продолжение стиля курсивной скорописи, использованной в рукописях раннего Средневековья, а также в концелярской и деловой переписке. Еще одним из существенных признаков данного почерка является то, что в нем для дифференциации функций графем широко применяют дополнительные диакретические знаки².

Некоторые части текста «Кутадгу билиг» написаны арабским письмом. Так, например, изречения из Корана во введении и начальной басмале (восхваление бога) написаны арабским письмом. Наряду с этим иногда чтение некоторых знаков уйгурского алфавита и архаичные слова разъяснены арабскими буквами.

Уйгурская орфография была довольно тщательно разработана, хотя алфавит располагал малым количеством букв. Ей были свойственны полифункциональность графем, многообразие приемов и дополнительных графических средств, что позволяло передавать на письме сложную фонетическую структуру языка. Поэтому не было особых проблем при использовании этого типа письма³.

Уйгурское письмо, в какой-то степени оставаясь неудобным для определения консонантной системы языка памятников, в то же время имело определенные преимущества в плане выражения системы вокализма, а именно: гласные имеют полные начертания, различаются графически и по месту артикуляции. Это объясняется приспособленностью письма к сингармоническому характеру языка.

Девять гласных фонем, свойственные языку памятника «Кутадгу билиг», в уйгурском письме обозначены четырьмя знаками: буква «*alif*» выступает в функции [a]–[ä]–[e]; буква «*yā*» – [i]–[ī]–[e]; буква «*vāv*» – [o]–[u]; специальная графема «*vāv*» с «*yā*» обозначает переднеязычные [ö]–[ü].

Для тюркских текстов характерно обозначение так называемого «тонкого» звука: переднего ряда [e] в начальном слоге тюркских слов, что

¹ Radloff W. Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Bälasagun. Theil I. – SPb., 1891.

² Садыков К. Графико-фонетические особенности тюркских уйгурописьменных памятников XI–XV вв. Автореферат докторской диссертации. – Т., 1992. – С. 13–14.

³ Там же. – С. 45.

проявляется в том, что в письменных памятниках для этой гласной не имелся специальный знак, за исключением некоторых графических знаков. Очевидно, из-за этого специалисты по-разному трактуют предысторию звука [e]. О том, что этот звук характерен для письменных памятников, стали говорить только недавно, в то время как до середины прошлого столетия эта точка зрения мало кем разделялась. Было бы кстати привести здесь в качестве примера бейт из арабописьменного QBN, где издатель этого сочинения С. Е. Малов в своей транскрипции не различает звук [e], о котором идет речь. Вот этот пример (QBN.13a.11):

تيلين امگاميش ار نيكو تير اشيت
بو سوز ايشكا توتغيل اوزونكا ايش ايت

Ср., транскрипция этого текста С. Е. Малова:

Tilin ämgämiš är nigü tär äšit,
bu söz iškä tutγyl özüñä iš ät.

В его переводе это звучит следующим образом: «Выслушай, как говорит муж, обеспокоенный языком; выполняй эти слова и делай (их) товарищем себе»¹.

Хотя перевод бейта сделан правильно, все же видно, что омограф ايش в значении «дело, работа» и в значении «товарищ» транскрибирован как iš, хотя в первом случае здесь должна была быть гласная [i], а во втором – [e]. Правильность этого суждения можно подтвердить и тем, что в уйгурописьменном списке памятника это слово в значении «товарищ» передается то через <i>, то через <ä>, т.е. посредством «yā» или же «alif»: iš (10.24.2) // äš (eš) (13.12.11). Ср. еще пример двоякого написания одного и того же слова: äšit (75.20.1) // išit (ešit) – «слушай» (21.21).

Еще примеры обозначения фонемы [e] буквами <ä> или же <i>. Ср., <ä>: ädgü (edgü) – «добро, хорошо» (47.2), kārāk (kerāk) – «надо, необходимо» (47.8), yār (yer) – «земля» (14.2); <i>: išit (ešit) – «слушай» (50.29), ilig (elig) – «правитель, бек» (74.1).

В отношении фонемы [e] Махмуд Кашгари использовал термин *imāla*. Так, например, слову سيش дано пояснение: «с *imāla*» (bi-l-*imālati*). Это слово в терминологическом плане означает «склонять; вселять», где произношение долгого звука «alif» и краткого «fatḥa» артикуляционно приближается к [e]. Иначе говоря, в данном случае имеется в виду произношение «yā» как «fatḥa» (т.е. как [e]). Исходя из этого рассматриваемое слово можно читать как seš, что означает «гарантия». Например: *men aḡar seš berdim* – «я дал ему гарантию» (МК.249a). Еще пример: كيش *keš* – с *imāla* (bi-l-*imālati*); «колчан»².

Согласно правилам уйгурописьменной традиции различаются так называемые «тонкие», то есть переднерядные, и «твердые», заднерядные

¹ Малов С. Е. Из третьей рукописи «Кутадгу билиг» // ИАН ОГН. VII серия. 1929. № 9. – С. 741.

² Kaşgarlı Mahmud. Dīvānū Lūgati't-Türk. Tıpkıbasım / Facsimile. – Ankara, 1990. – S. 249.

лабиализованные гласные, что отмечено еще Махмудом Кашгари, который использовал термин *išmām* (м.е. «тонкий») для переднеязычных гласных этого типа, и *išbā'* (м.е. «твердый») – для заднеязычных. «Тонкие» лабиализованные гласные [ö]–[ü], в отличие от [o]–[u], в начале и первом слоге передавались специальным знаками «*vāv*» и «*yā*».

Еще одна особенность уйгурописьменной орфографии: обозначение так называемой «первичной долготы гласных», хотя и в редких случаях, в начальных и интервокальных положениях передавалась удвоением букв, в частности удвоенным «*vāv*», как, например, в словах: *ööč* – «месть» (58.21), *uuz* – «искусный, умелый» (127.22); *qooš* – «соединять» (125.42), *töör* – «верхнее, почетное место» (30.27), *quuš* – «птица» (14.9), *tüüš* – «сон» (125.14).

Между тем согласные [k]–[g], [p]–[b], [t]–[d], [s]–[z], [q]–[ɣ]–[x] не различаются на письме. Кроме того, исконно тюркские слова с <δ>, присущие арабописьменным спискам, в уйгурской рукописи переданы буквой <d>, а иногда <t>. Можно полагать, что межзубный звук [δ] в уйгурском письме передавался так: *edgü* (*edgü*) – «добро, хорошо» (11.22), *adaš* (*adaš*) – «товарищ, приятель» (21.5); или же: *iti* (*iði*) – «господь, бог» (10.24), *qutatmiš* (*qutaðmiš*) – «будет счастливым» (22.8). Скользящий [ž] в тексте передавался при помощи буквы <č>, ср.: *ačun* (*ažun*) – «мир, вселенная» (13.17). Это слово в тексте «Кутадгу билиг» читается не с [č], а с [ž]. Доказательством этому является то, что в арабописьменном QBN данный звук передан специальным знаком: <ž>: اژون *ažun* (11a.5).

Подстрочные пояснения переписчика/

В уйгурском манускрипте, в качестве дополнения к основному тексту, пусть и не регулярно, все же над или же под строкой проставлены знаки арабского алфавита в качестве диакритики. Вместе с тем даны и некоторые толкования слов основного текста (в качестве словаря). Такие вспомогательные знаки, употребленные переписчиком рукописи, можно разделить на две группы: первая из них – это вспомогательные диакретические знаки для определения функции тех или иных букв уйгурского алфавита и его правильного произношения; вторая – толкования смысла архаичных слов, употребленных в тексте памятника.

А) Фонетические пояснения.

Как отмечалось выше, иногда для уточнения функции уйгурских письменных знаков и их чтения над или над знаком в качестве диакритики проставлены буквы арабского алфавита. Они использованы в следующих положениях.

Поскольку в уйгурском письме не различаются согласные [q]–[ɣ]–[x], то в определенных случаях для их различения над или же под буквой проставляли буквы арабского алфавита. Так, например, наличие арабской буквы ġ над или под текстом указывало на необходимость чтения уйгурского знака как [ɣ], а буквы ħ – на [x], соответственно. Важность этих

знаков заключается в том, что данная диакритика дает возможность не только для уточнения звуковой функции того или иного знака уйгурского алфавита, но и дает представление о фонетическом строе языка памятника. Так, например, благодаря этим знакам можно наблюдать переход глухого [q] на [ɣ] ($q > \gamma$), о чем свидетельствует диакритика ġ над уйгурским знаком, см.: *qilyi* – «его привычка, характер» (27.6), *yorïy* – «поведение; поступок» (17.15). В арабописьменном списке QBN данные слова употребляются в следующих фонетических вариантах *qilqï*, *yorïq*.

В начальном и интервокальном положении можно наблюдать явления перехода глухого [q] на [x]. Об этом также говорит использование в качестве диакритики арабской ħ: *xali* – «если» (17.15), *xaliq* – «небо» (14.14); *axi* – «щедрый» (19.6). В арабописьменном QBN эти слова употреблены в виде *qali*, *qaliq*, *aqi*.

Для QBN характерна форма *-qa* направительного падежа: *qutqa* – «к счастью» (10б.8), *bayatqa* – «к богу» (7б.2). В тексте этой рукописи к основам со звонким согласным, сонорным или гласным исходом присоединяется та же форма на *-qa*: *ažunqa* – «в мире, во вселенной» (11б.12), *oγulqa* – «сыну» (11а.12), *baščiqa* – «руководителю, главе» (9а.3). Аналогично этому в словах с «тонкой» («мягкой») основой правильно будет восстановить *-kä*, а не *-gä*, хотя они графически не различались: *köñülkä* – «душе, сердце» (8а.6).

В другом уйгурописьменном списке памятника наблюдается характерная графическая особенность: в нем, хотя и нерегулярно, для различения [ɣ] от [q] использована диакритика – арабская ġ. Благодаря этому, в некоторых случаях различаются *-ya* от *-qa*, что имеет место, например, в словах: *bodunya* – «к народу» (26.11), *ažunya* – «к вселенной» (26.14), *qarayuya* – «к слепому» (17.19), *orduya* – «в город» (27.20). Аналогично этому в словах с «мягкой» основой можно восстановить *-gä*, наряду с *-kä*, хотя уйгурское письмо их не различало в начертании. Из этого следует, что в QBN, в отличие от QBN, наряду с *-qa*, *-kä*, функционировала форма *-ya*, *-gä*, что согласуется с законом сингармонизма согласных по признаку «звонкость / глухость» и соответствует фонетическим нормам языка в момент переписывания.

Так как согласные [s]–[z], [b]–[p], [v~w]–[f] в уйгурописьменном тексте не различались, иногда над уйгурскими буквами ставятся арабские ز, ب, و, что указывает на функцию уйгурописьменных знаков: *zina* – «блуд, прелюбодеяние» (55.10), *araŋ* – «если» (129.31), *ew* – «дом» (16.1). В некоторых случаях под строкой дается транслитерация слов арабскими буквами. Например, благодаря подстрочным надписям: *يورک* (7.1), *ايوه* (76.27), *جاو* (85.8) можно определить произношение уйгурописьменных слов: *yüräk* («сердце»), *ewä* («торопливо»), *čaw* («слух, молва»).

Уйгурский алфавит не располагал специальными буквами для обозначения несвойственных для тюркского языка звуков в заимствованных

словах. Для передачи данных звуков используются буквы, предназначенные для передачи других фонем. К ним относятся, например, [h] и [ħ] в заимствованных словах. Для их письменного отображения использовались буквы «ха» или «*alif*». Иногда эти буквы сопровождались диакритиками ھ и ح. Надо подчеркнуть, что в отображении таких слов используется фонематический принцип написания. Видимо, по этой причине турки, хотя не произносили букв ث, ص, ض, ظ, ط, 'aun и хамзы, тем не менее в текстах проставляли под уйгурскими буквами соответствующие арабские знаки.

Наличие диакритик в словах рассмотренного типа является сигналом того, что эти слова являются заимствованными.

Б) Лексико-семантические пояснения.

Характерными особенностями QBN являются подстрочные примечания, приведенные к некоторым словам. Речь идет о толковании лексики, характерной для языка самого памятника, но ставшей архаичной к моменту переписывания текста и в силу этого требовавшей разъяснения. Видимо, это объясняется стремлением переписчика сохранить особенности языка памятника. Такие подстрочные толкования написаны либо арабскими, либо уйгурскими буквами.

Переписчик придерживался следующих принципов:

1) Архаичные слова, использованные в тексте памятника, поясняются через соответствующие им в этот период эквиваленты, понятные современному читателю. Например: к слову *bodun~bozun* приводится его эквивалент *el, raiyat* («народ») (30.13; 20.10); к *qumardqu~qumaru – yādgār* («завещание, завет») (7.3; 59.20); *arqış – karvān* («караван») (14.2), *otačī – tabīb* («лекарь») (9.26), *sawčī – rasul* («пророк») (23.19), *ög – 'aql* («разум») (16.21), *yuluγ – fidā* («жертвование») (12.6), *yula – čiray, yaryqluq* («факел, светильник») (12.4; 6.12), *hajib (~xas hajip) – vazir* («везир, камергер»; придворное звание) (3.16; 30.9), *munduz – gol* («глупый, неумный») (32.30), *bor – šarāb* (алкоголь) (55.10), *yalawač – elčī* («посланник; посол») (9.9), *qurṭa – qari* («старуха») (24.5), *yaṅluq – ādam* («человек») (20.22) и т.д.

Следует отметить, что по-новому толкуются, прежде всего, астрономические и астрологические понятия, поскольку в этот период вместо исконно тюркских слов, характерных для языка караханидского периода, использовались арабские и персидские названия. Например, исконно тюркское слово *Yašiq* поясняется словом *Āftāb* («Солнце») (13.20), *Sekāntir – Zuhal* («Сатурн») (16.1), *Oγγay – Muštariy* («Юпитер») (16.2), *Körüd – Mirrih* («Марс») (16.3), *Ökāk – Javzā* (знак Зодиака, созвездие) (16.9), *Ud – Savr* («Телец») (16.9), *Qozi – Hamal* («Овен») (16.9), *Ülgü – Mezān* («Весы») (16.10), *Könäk – Dalv* («Водолей») (16.11), *Balıq – Xut* («Рыбы») (16.11).

2) Поясняются значения полесемантических слов. Так, например, слово *öd* означает «время, час». Слово *ödsiz*, производное от этой основы, означает «безвременный», как это имеет место в следующем примере:

Kişi ödsiz ölmäs anadın tuğup (81.28), где под словом *ödsiz* имеется в виду *ajal* («момент смерти, кончина»). Оно является ключевым в понимании содержания всего бейта: «Человек, родившись от матери, не умрет безвременно [*m.e.* не умрет, пока не пробьет его последний час]».

Слово *qut* тоже является полисемантическим:

Bu saylıy bilä kör elin saqladı,
Qutı kündä artıp örü yuqladı (25.19).

Слово *qut* в данном бейте означает «богатство». Исходя из этого, под строкой в качестве толкования написано *davlat* с этим же значением. Содержание бейта будет:

«Посмотри-ка, этим знанием он берёт свою страну,
День за днем его богатство увеличивается, сам он возвышается».

В другом бейте слово *qut* толкуется через слово *iqbāl* («счастье»):

Bu Aytoldi tegli qut-ol kör anı (22.10).

«Тот, которого зовут Айтолды – он (олицетворяет) счастье, посмотри-ка на него», что указывает на первоначальный смысл этого имени – «полнолуние»; в тексте же он – олицетворение «счастья» (*qut*).

3) Некоторые подстрочные пояснения даны по-персидски. Это можно объяснить влиянием гератской литературно-языковой традиции XV в., согласно которой интеллигенция, наравне с родным, в совершенстве владела персидским и арабским языками. Переписчик знал об этом, поэтому, например, тюркское слово *sîyit* («плачь») поясняет персидским словом *giryā* в том же значении (48.22), слово *qarıy* («дверь») – персидским *dar* (9.23). Некоторые архаичные слова он поясняет как тюркскими, так и персидскими синонимами. Например, слово *adın* («другой, чужой») на (5.6) пояснено тюркским синонимом *özgä*, а на (6.8) – персидским *digar*.

4) Значения некоторых слов поясняются им при помощи словосочетаний. Так, например: *ol edgü öziin – dar ān vaqt* («в то время, в тот час») (20.10), *bezänip ödü – ārasta damā-dam* («постоянно прихорашиваясь») (24.8), где тюркское словосочетание поясняется через персидское словосочетание, а слово *qutadyu* пояснено персидским словосочетанием *ya'ni hujasta* или же *hujasta būd* («будет счастливым») (22.7).

5) Древние, классические формы слова сопровождаются их более современными вариантами, свойственными времени переписывания памятника. Так, например, под уйгурописьменным словом *qulyaq* приводится его современный вариант *qulaq* («ухо») (82.6), под словом *adirdi* – *ayirdi* («отлечил») (16.8), под – *qulayuz* написано [*qula*]wuz («путеводитель») (15.31).

Таким образом, благодаря рассмотренным выше графическим пояснениям и семантическим толкованиям, принадлежащим перу переписчика данной

рукописи, можно составить представление об архаичном лексическом пласте так называемого «чагатайского» письменно-литературного языка XV века.

Гипотеза о распространении рукописных списков памятника «Кутадгу билиг» в Средние века.

Как утверждается в предисловии самой книги, автор завершил работу над своей книгой в Кашгаре и представил ее двору властителя Востока Табгач-Богра-хана. Повелитель почтил и возвеличил сочинителя, дав ему титул хас-хаджиба (*has hajib~ulu hajib* или же *čilbaši*).

Ученые и мудрые мужи Чина и Мачина согласны с тем, что нигде и никому не удавалось составить свода лучше этой книги, сочиненной на «богра-хановском языке» (*buğrahan tilinčä*) и тюркском наречии (*türk luğatiča*). Это касается как всех восточных владений (*Maşriq vilāyatında*) и государств Туркестана (*Türkistān elindä*). Какому бы властителю и где бы ее ни читали, премудрые и ученые мужи тех держав одобряли и давали ей различные названия за ее совершенство и красоту. Мужья Чина называли ее «Сводом благочиний» («*Adabu-l-muluk*»); сподвижники государей Мачина называли ее «Радетелем держав» («*Ayinu-l-mamlakat*»); повелители стран Востока именовали «Украшением властителей» («*Ziynatu-n-umagā*»); иранцы – «Тюркской книгой шахов» («*Šahnāma-yi türkī*»), а некоторые из них – «Книгой наставлений властителям» («*Pandnāma-yi muluk*»); туранцы же называют ее «Благодатное знание» («*Qutadγu bilig*») (QBH.3.2–11; *транскрипция и перевод* Садыкова¹). Сказанное является доказательством популярности этого произведения в Средние века и широкого распространения его рукописей. Можно сказать, что авторский вариант был представлен властителю Табгач-Богра-хану. После чего он многократно переписывался. Списки отправлялись в восточные владения и соседние страны. О широкой известности памятника говорят новые варианты книги, сопровождаемые прозаическими и/или поэтическими предисловиями, написанными еще при жизни автора.

«Кутадгу билиг» сыграл огромную роль не только в тюркской, но и во всей раннесредневековой восточной литературе. Более того, есть все основания говорить о серьезном влиянии данного памятника на всю восточную литературу в целом.

Важно то, что все рукописные списки памятника относятся XIII–XV вв., В частности, уйгурописьменный вариант был создан в Герате, крупном культурном и литературном центре в эпоху правления Тимуридов, что свидетельствует о том, что книга была известна не только в эпоху Караханидов, но и в следующих столетиях. Следует отметить, что гератской литературной среде была известна и другая уйгурописьменная рукопись этого памятника, с которого переписывал Хасан Кара Сайыл Шамс бахши. В конце этого списка сказано, что данная книга отправлена в Стамбул для Абдурраззак бахши. Нам не известно, переписывал ли Абдурраззак бахши этот памятник или нет, но ясно одно: он получил рукопись и сопровождал ее

¹ Содилов К. «Кутадгу билиг»нинг уйгур ёзувли Хирот нусхаси. – Т., 2010. 29, 75–76-б.

своими четверостишиями. Значит, в этот период между культурными центрами Средней Азии и Стамбулом были тесные культурные и литературные связи.

В числе дошедших до нас списков рукописи арабописьменные – наманганский и каирский рукописи являются более ранними. Несмотря на это, переписчики гератской школы предпочли сохранить традиции переписывания, присущие эпохе Караханидов. Данная рукопись, в создании которой огромна роль Тимуридов, является данью уважения этой традиции.

С уверенностью можно утверждать, что авторский вариант написан уйгурским письмом. Спустя столетия появились его арабописьменные списки. Таким образом, в XI–XV столетиях широко распространились как уйгурописьменные, так и арабописьменные списки памятника.

Характерно, что все известные списки не совпадают текстологически. Это свидетельствует о том, что они переписаны не из одного источника. Естественен вопрос о том, какой из списков переписан из более раннего варианта, которым может быть и непосредственно сам авторский вариант. Текстологические наблюдения позволяют утверждать: хотя уйгурописьменная гератская рукопись является более поздней по времени, однако была переписана из более раннего источника, чем два других арабописьменных списка. Возможно, он был создан еще при жизни самого автора.

АЛИМОВ ЗУХРИДДИН

Катта илмий ходим-изланувчи, ТошДШИ

Ал-Хоразмийнинг “Китаб сурат ал-ард” асари ва ундаги Аш-Шош вилояти ҳақидаги маълумотлар

Аннотация. Мазкур мақола Тошкент воҳасининг IX асрдаги тарихий географиясига бағишланган бўлиб, шаҳарларнинг жойлашуви ва шаклланишининг турли босқичларини акс эттирувчи Хоразмийнинг “Китаб сурат ал-ард” асаридаги маълумотларига асосланган.

Таянч сўз ва иборалар: ал-Хоразмий, “Китаб сурат ал-ард”, “Байт ал-Ҳикма”, етти иқлим, “Сурат ал-Маъмун”, “Билад аш-Шош ва Тарбанд”, “Бурж ал-Ҳижора”, Банокат.

Аннотация. Данная статья посвящена исторической географии Ташкентского края в IX веке, отраженной в произведении Хорезми «Китаб сурат ал-ард», где приводятся сведения о местоположении и разных этапах формирования городов.

Опорные слова и выражения: ал-Хорезми, «Китаб сурат ал-ард», «Байт ал-Хикма», семь климатов, «Сурат ал-Маъмун», «Билад аш-Шош и Тарбанд», «Бурж ал-Хижара», Банакат.

Abstract. This paper investigates the historical geography of Tashkent oasis in IX century, and based on the data about the location and different stages of cities’